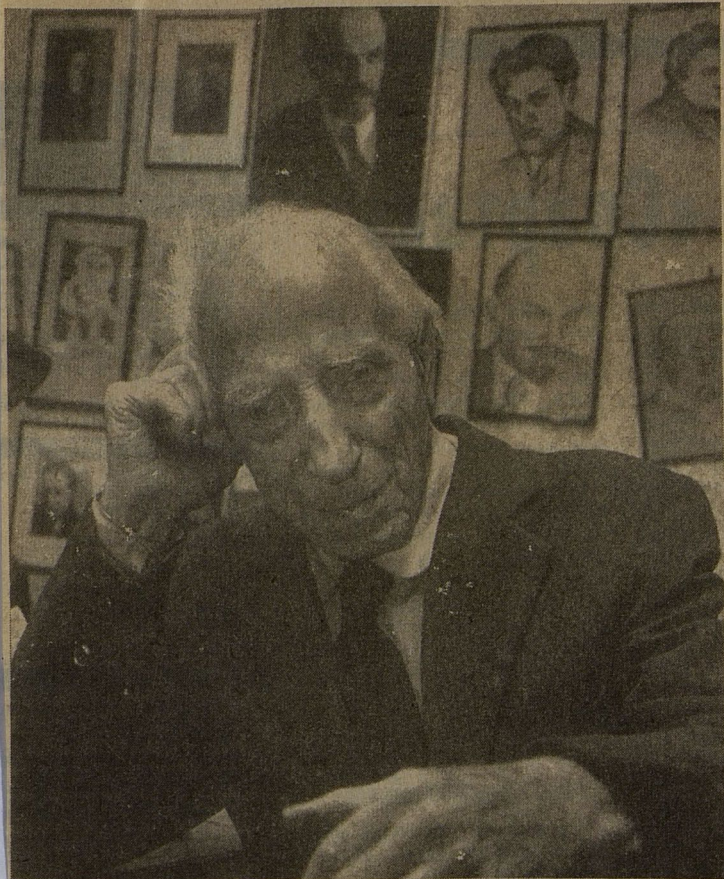

Гость «ВК»

К своему 110-летию я написал 165 стихотворений о любви

С поэтом Сашей Красным я встретился в его квартире на Бронной. Дверь открыл невысокий стройный человек, предложил раздеться, пригласил в комнату. Я не мог поверить, что ему недавно пошел 111-й год. Твердым юношеским голосом он начал рассказывать о себе.

— Родился в Севастополе в 1882 году в семье портного. Когда мне был год, нас выселили из Севастополя за общение моего отца с революционно настроенными матросами и офицерами. Начались скитания в поисках куска хлеба. Потом поселились у моего деда по матери, сапожника, который, кстати, прожил 111 лет в полном здравии и в 1919 году был убит махновцами... А работать я начал с 12 лет учеником у фотографа.

— А когда включились в революционную деятельность?

— В 1905 году, когда было восстание броненосца «Потемкин». Видел убитого матроса Вакуленчука. Он лежал на бульваре в Одессе, и около него стояли двое часовых в карауле.

— А в 1917 году?

— В 1917 году я был солдатом запасного полка в Петрограде, куда попал после ранения. В Февральскую революцию снимал полицейских с крыш домов на Невском. Они с пулеметами засели на чердаках и расстреливали демонстрантов. Тогда и познакомился с Подвойским...

— Ленина приходилось видеть?

— Первый раз увидел, когда встречал его на Финляндском вокзале... Принимал участие в Октябрьской революции как один из комиссаров РКВ, участвовал в штурме Зимнего, выполнял задание Подвойского и Антонова-Овсеенко, Ленина, с которым познакомился в Таврическом дворце 4 апреля, когда Владимир Ильич читал свои знаменитые «Апрельские тезисы».

— Вам приходилось встречаться с Троцким?

— Да. В 1919 году я проводил инспекцию Южного фронта по его приказу и как журналист печатался в газете «В пути», которая вы-

пускалась в походной типографии в его поезде. Участвовал вместе с ним в подавлении богучарского казачьего мятежа... По просьбе товарищей был в негласной охране Ленина на Красной площади, что подтверждают 11 фотографий. Однажды во время парада Всеобща Владимир Ильич, видя нашу жалкую конницу, дал мне задание написать агитстихотворение, призывающее пролетариев садиться на коня. Я написал. По отзывам товарищей, оно является классикой времен гражданской войны, исполнялось в рабочих клубах и сыграло роль в создании 1-й Конной армии. Позднее я близко познакомился с Буденным и Ворошиловым.

— А когда вы вступили в коммунистическую партию?

— 2 марта 1919 года, а был после смерти Ленина, когда начались конфликты между Сталиным и Троцким.

Я считаю, что настоящая Советская власть была при жизни Ленина, который был гением революции, великим и простым человеком. Более обязательной личности я в жизни не встречал и всегда сравнивал его с Иисусом Христом, который, по моему, тоже был настоящим коммунистом. Я не прощаю Сталину его расправу с соратниками Ленина и погубившему миллионы невинных людей, в том числе моих друзей: Каменева, Зиновьева, Бухарина, с которыми я работал как журналист. А потом мне как троцкисту пришлось скрываться, и я под псевдонимом Красный объезжал заводы и фабрики, выступая с организованной мной агитбригадой театра «Синяя блуза». Это была живая газета, а наш коллектив назывался Театром Саши Красного.

— Александр Давыдович, скажите, когда в 1917 году вы стояли у истоков русского социализма, он представлялся вам таким, каков он есть, или вы мечтали об

ином?

— Он мне представлялся таким, как Ленин его рисовал, — свободным... Начало перестройки, затеянное Горбачевым, давало надежды на хорошую жизнь. Я верил, что доживу до лучших времен, и мы станем не только великим государством, но и все станут сыты, свободны, не будет никакого кровопролития.

— Как вы относитесь к Ельцину.

— Ему сейчас несладко, но лозунги, которые он выдвинул, когда его выбрали, об отмене всяких привилегий, не были выполнены. Меня не устраивает, что некоторые борются сейчас за восстановление классов. Я живу на пенсию, которую мне немножко увеличили, но она далека от того, что некоторые получают сейчас незаслуженно. Я против всяческой спекуляции, дельчества, торгашества.

ка. Приходят люди, пьют, а я — нет. Она меня не влечет. Единственно, чем я особенно грешил, — это любовью. Я женщин всегда любил и здесь себя не сдерживал. И вот сейчас я написал целый сборник стихов о любви: 165 стихотворений...

— Были в вашей жизни ситуации, когда вам грозила непосредственная опасность?

— Два раза меня вели на расстрел. И не расстреляли благодаря счастливому случаю. Один раз во время эвакуации в Ростове-на-Дону матросы меня приняли за жандармского офицера, который где-то в Таганроге расстреливал рабочих. Меня схватили на вокзале и, не слушая, хотели поставить к стенке, но неожиданно попались солдаты, которые меня узнали и спасли мне жизнь. Другой раз это случилось в 1919 году. Мы попали в плен к украинским бандитам, и нас решили расстрелять. Но один из наших товарищей из военной инспекции обманул их, сообщив, что к станции подходит поезд с мануфактурой. Бандиты, оставив нас с небольшим количеством охраны, бросились на станцию, боясь, как бы бабы ее не расхлпали, а нам удалось освободиться. Я верю в Судьбу.

— У вас на стене висят фотографии известных людей: Шалапин, Собинов, Нежданова, Качалов, Вишневский, Юрий Ивнев... И с автографами...

— Юрий Ивнев — мой большой друг. Мы вместе участвовали в революции. Это был секретарь Луначарского. Моя жизнь вообще проходила в искусстве. Вот на портрете я изображен куплетистом. Я неплохо пел, и в оперу меня готовил Собинов. Пародировал я и Шалапина, и он аплодировал мне.

— А что вы сейчас пишете? Стихи о женщинах. Прочитать?

— Конечно.

Я жду тебя, как солнца в день осенний, Я жду тебя, как счастье ждуть в тоске, Я жду тебя, как люди ждуть спасенья, Когда вся жизнь висит на волоске.

Я смотрел в пронзительно-голубые глаза этого 110-летнего юноши и чувствовал, что он моложе меня.

Беседовал
Николай ЛЕОНТЬЕВ.
Фото
Александра КОЧЕТОВА.

Саша КРАСНЫЙ: